

Александр лез по довольно крутому склону вверх и уговаривал себя, что это ему нравится. Природа, травка, цветочки. Цикады звенят. Солнышко светит. Солнышко, правда, светит очень уж старательно, жарко невыносимо. Надо было все-таки до лестницы дойти и подниматься по ней, как все нормальные люди. Там и лавочки, и тень, можно было бы на полпути спокойно передохнуть. Но, во-первых, он не больной, он уже вполне здоровый. Во-вторых, надо же тренировать свой пострадавший организм. А в-третьих, ему действительно все это нравилось: жаркое солнце, сухая трава, невзрачные цветочки и даже шум в ушах, куда попала морская вода, когда он нырял. Ощущать себя живым, живущим, практически здоровым и почти по-прежнему сильным — это было невыразимо приятно.

Только курить сильно хотелось.

Ну вот, наконец-то ровная дорога, тень и лавочки. Отсюда до столовой три минуты пути, и отдыхать в тени на лавочке нет никакого смысла. За столом можно отдохнуть.

Вот только есть пока не хочется. А курить, наоборот, хочется просто нестерпимо. Александр сел на скамейку. Немножко посидел, отдышался после своих альпинистских упражнений. И достал строго-настрога запрещенные врачами сигареты. Две-три сигареты в день — ну какой вред они могут принести его пострадавшему сердцу? Ему, пострадавшему сердцу, гораздо хуже от того, что принадлежащий ему организм мается и завидует курящим собратьям.

Он с некоторым чувством вины, но и с наслаждением закурил, откинулся на спинку скамьи, огляделся. Никакой толпы. Все или на пляже, или обедают. Только на соседней лавочке сидит какая-то девчонка, книжку читает. Трогательная такая. Тоненькая, гладко причесанная, в длинном сарафане. Сидит ровненько, коленочка к коленочке. Девятнадцатый век.

Девчонка вздохнула, закрыла книжку и положила ее рядом с собой. Ого! Александр присвистнул и передвинулся на край скамейки, поближе к девчонке. Ну точно — его книга! Не в смысле — принадлежащая ему, как предмет, а — его! Он автор.

Девчонка, явно напуганная его свистом и передвижениями, вскочила и торопливо пошла по дорожке прочь. Книжка осталась.

— Эй, стой, забыла! — крикнул он, подхватил книжку и кинулся вслед за девчонкой. — Да не бойся!

Она оглянулась через плечо, остановилась, помолчала и тихо сказала:

— Я и не боюсь.

ЛОВУШКА ДЛЯ ПРИМЕРНОЙ ДЕВОЧКИ

Он в несколько шагов догнал ее, сунул ей в руку томик карманного формата в мягкой обложке с безумным разноцветным коллажем. И уже хотел сказать что-нибудь такое необязательное, что-нибудь покровительственное — ну, что говорят незнакомым девчонкам взрослые люди.

Так вот, он сунул этот томик ей в руку и посмотрел в лицо. И понял, что она не девчонка. Может быть, и не намного, но все-таки постарше девчонки. Не ребенок. Девушка. А глаза у нее... настрадавшиеся.

— Извините... — Александр вдруг страшно смутился. — Я думал, вам от силы лет пятнадцать... Вот и тыкал.

— Ничего, это не обидно, — торопливо откликнулась она и отступила на шаг.

— Подождите, у меня вопрос! Важный!

— Я спешу, — сказала она, но остановилась. — Какой вопрос?

— Я...

А дальше-то что говорить? Я — автор, как вам мое произведение? Где вы купили книгу, я ее давно ищущ? Как-то это все глупо.

— Вы тоже любите детективы?

Она смотрела на него непонимающе, потом взглянула на зажатую в руке книжку и слабо улыбнулась.

— Какой важный вопрос... Да так, иногда... А вы, наверное, хотите почитать? Возьмите, я уже дочитала.

— Спасибо, я, собственно, читал... — Александр замолчал, подумал и все-таки не выдержал, похвастался: — То есть нет, не читал, а... написал ее.

— Вы Александр Матросов? — недоверчиво спросила она. — Правда, что ли? Надо же, какое совпадение...

Он вынул из ее руки книгу и перевернул ее. Девушка глянула на фотографию на тыльной стороне обложки, на него и повторила:

— Надо же, какое совпадение.

Кажется, хотела еще что-то сказать, даже рот приоткрыла, но промолчала и опустила глаза.

Повисла неловкая пауза. Александр уже хотел извиниться и уйти. Не будет же он спрашивать, понравилась ли ей книга. И вдруг она спросила:

— В начале написано, что это реальная история... Это правда или просто рекламный ход?

— Правда! — быстро ответил он, слегка обидевшись. Так бы он и позволил такие рекламные ходы... — Я только имена изменил.

— И вы участвовали в этих событиях?

Он вздохнул и неохотно кивнул: формой своего участия в этих событиях он не гордился.

— И вы, наверное, Глеб?

— Нет, Глеб — это Олег, наш босс.

— Неужели капитан Петров?

— Да не гадайте, все равно не угадаете...

— Тогда сдаюсь.

— Я — Наташа Морозова.

Он ожидал, что она засмеется. Все смеялись, когда узнавали, чей он прототип. Но она вдруг серьезно и странно заглянула прямо в его глаза. Сердце Александра на миг замерло. У нее были такие глаза...

— Знаете, я ведь и вправду детективы обычно не читаю. Как-то больше классику. А тут продавец мне книгу протягивает: новинка, реальная история! Я ее машинально открываю и сразу натыкаюсь на свое имя и свою фамилию... девичью. Я — Наталья Морозова. Вот такая история.

И снова заглянула ему в глаза своими зелеными, с серебристым отливом глазами. Он стоял, смотрел в эти серебристо-зеленые глаза и молчал. Забыл, что следовало бы поддержать разговор. Сердце трепыхалось, как у пятнадцатилетнего пацана на первом свидании.

Но она, вряд ли заметив его замешательство, с сочувствием спросила:

— Значит, вас и вправду серьезно ранили?

— Было дело, подставился по глупости. Вот потому и книжку наката. В больнице нечего делать было, вот я и... И мой босс теперь посылает меня на курорты. Он у нас редкий зануда.

— Побольше бы таких зануд, — сказала она. Александру послышался в ее голосе упрек.

— Это я любя, — быстро сказал он. — На самом деле он, конечно, зануда, но все-таки не такой, как я.

Она улыбнулась, хотела, кажется, что-то ответить, но вдруг улыбка пропала — сразу, будто ее выключили, — взгляд, устремленный куда-то за спину Александра, стал напряженным и виноватым.

— Простите, меня ждут, — тихо сказала она, обошла его и быстро, как-то суетливо пошла прочь.

Александр обернулся, глядя ей вслед, и увидел метрах в ста мужчину и мальчика. Мальчик был не очень боль-

шой. Но и совсем не маленький. В детских возрастах Александр плохо ориентировался. Но почему-то подумал, что это не может быть ее сын. Она сама совсем еще ребенок.

Она уже подходила к ним, оставалось несколько шагов, когда мужчина развернулся, потянул мальчика за руку, и они пошли. Она уже бегом догнала их и пошла рядом.

Спина мужчины казалась каменной.

Александр пожалел, что она так быстро ушла. Так и не сказала ничего, как её книга — понравилась, нет?

Он ничего не задумывал, когда, валяясь в больнице после ранения, начал свои записи. Ему тогда просто хотелось разобраться, как все это варилось, как бывшему оперу и как журналисту, занимающемуся расследованиями. А Олег почитал и говорит: роман получился.

И отвез рукопись в Москву, в издательство.

Сам Александр свои записки книгой не считал. А все равно интересно, что думают читатели.

На другой день он поймал себя на том, что все время кого-то высматривает среди купающихся и загорающих.

Пошла вторая неделя его отпуска в санатории, и он начинал скучать.

Первую неделю наслаждался тем, что все вокруг незнакомые, и он не обязан ни с кем знакомиться. Поселили его в коттедже на одного человека. С соседями в столовой он вежливо здоровался — и только. Оказывается, он страшно устал от бесконечных знакомств, разговоров, общения не только по работе, но даже с друзьями. Но ку-

да от общения уйти журналисту? Только в отпуск. Ему очень нравился этот отпуск, это спокойное одиночество, возможность спрятаться от людей.

Но сегодня он выискивал вчерашнюю свою читательницу и даже не сразу понял это. А когда понял, то и делать это стал уже осознанно.

На санаторном пляже он ее не нашел. Заглянул в столовую не в свою смену — тоже нет. На другой день он бродил по пляжу, высматривая в мельтешащей массе людей Наташу Морозову. Когда становилось уж совсем невыносимо жарко от неистового солнца, торопливо окунался в море — и опять бродил, пытаясь увидеть знакомый силуэт. Обошел все окрестные кафешки и бары...

Столовая — пляж — столовая — кафе — бары — столовая... В таком режиме прошли три дня.

Наташи Морозовой нигде не было.

Утром четвертого дня он неохотно шел к лечебному корпусу, с некоторым раздражением думая, что все эти процедуры ему уже совершенно ни к чему, только время отнимают. Лучше прямо сейчас пойти на пляж. Может быть, она как раз сейчас на пляже, а он здесь время теряет... Александр остановился, в задумчивости разглядывая дорожку под ногами, уже собрался поворачиваться и идти в другую сторону, с чувством вины поднял взгляд на лечебный корпус и увидел впереди знакомый длинный сарафан!

Он так обрадовался, что даже засмеялся вслух, торопливо пошел, почти побежал, догнал ее у самого входа в здание и окликнул:

— Наконец-то! Здравствуйте, Наташа!

Она обернулась, и от ее взгляда он даже дыхание задержал. Невозможно красивые глаза. Серебристо-зеленые, как изнанка ивового листа. Или как еловая ветка, покрытая легким инеем. И ресницы мохнатые. А взгляд опять грустный, даже тоскующий.

— Здравствуйте, — тихо сказала она и замолчала.

— Где вы пропадаете? Я вас искал, искал... Даже испугался, что вы уже уехали.

Лицо у нее почему-то стало напряженным.

— Испугались? Почему?

— Как почему? — театрально возмущился он. — Вы — первый человек, которого я застукал за чтением моей книжки! Можно сказать — независимый эксперт. Должен же я задать вам все эти: «как вам стиль, как вам герои?»

— А! — Она облегченно улыбнулась. — Понимаю. Только мне сейчас некогда. Я на массаж опаздываю.

Он взглянул на часы:

— Да я тоже, кажется, опаздываю на свою электро-терапию... — И замялся, нерешительно глядя на нее. — Может быть, встретимся после процедур?

— Нет, я не могу! — быстро ответила она. — Меня ждут.

— А когда сможете?

— Не знаю...

— Но все же, где вы бываете?

— Нигде, — растерянно сказала она. Помолчала, опустила глаза и виновато добавила: — Боюсь, я не смогу с вами встретиться.

— Ну что ж... Что ж поделаешь... Нет так нет. Очень жаль, — упавшим голосом пробормотал он и открыл перед ней массивную дверь.

Александр так огорчился, что даже удивился этому огорчению. А чего он, собственно, ожидал? Женщина приехала с семьей. Зачем ей лишние проблемы с мужем?

А почему он решил, что это ее ребенок и муж? Для такого большого мальчишки она слишком молода. Сколько пацану может быть лет? Среднему сыну Олега сейчас вроде восемь. Этот, наверное, чуть младше. Скорее всего, она гувернантка. Поэтому так и побежала за ними — босс как-никак.

Он почти утешил себя такими мыслями, но тут же сообразил, что если она не замужем, но отказалась с ним встретиться, — значит, он ей не понравился.

Или — того хуже — она не только воспитывает хозяйского сына, но и с отцом ребенка у нее... отношения.

Значит, надо просто забыть ее. Ничего, забудет. У него сильная воля, это все отмечают. У него твердый характер. Ни разу не было такого, чтобы он не выполнил того, что сам решил. А он твердо решил забыть.

Забыть не получалось. Ноги сами останавливались у той лавочки, на которой он увидел ее в первый раз, и по пляжу он продолжал бродить в надежде увидеть ее. Время от времени он напоминал себе, что она-то с ним видаться не хочет. Ничего не помогало. Его сильная воля и твердый характер, похоже, тоже взяли отпуск. Это все курортное безделье виновато.

Прошло еще два дня маяты и сердечной смуты, а на третий день море заштормило, и Александр впервые отправился купаться в закрытый бассейн — врачи велели плавать каждый день.

И увидел ее и мужчину с мальчишкой.

Народу в бассейне было много, и Александр устроился так, чтобы он мог видеть Наташу, а она его — нет.

Она была в закрытом купальнике, но все равно было видно, какая она худенькая. Природа тщательно соблюла пропорции длины, а вот в объемах поскупилась. Но Саша не видел ее проступающих косточек, он видел... он только ее и видел. Надо же такому случиться... Впервые с тех пор, как он расстался с Верой — а это было уже лет десять назад, — его так зацепила женщина. И — чужая. А может, не очень чужая? Может, это не семья ее, а все-таки работа? Кто он ей, этот красавчик с брюзгливым лицом? Вот если бы не муж, а мальчик — не сын... Но. «Но» — по-испански «нет». Она же отказалась с ним встретиться.

Он даже купаться не шел, просто сидел в своем шезлонге под прикрытием какой-то колонны и наблюдал за этой троицей.

Наташа что-то лихорадочно искала то в одном, то в другом пакете. Все искала, искала... Наконец мужчина лениво оглянулся в ее сторону:

— Что ты все роешься? У меня уже голова заболела от этого шуршания!

— Артур, я, кажется, забыла взять Кирюшино лекарство. А ему пора...

